

О русской повести и повестях г. Гоголя
("Арабески" и "Миргород")

В.Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу.

М., Современник, 1988

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Русская литература, несмотря на свою незначительность, несмотря даже на сомнительность своего существования, которое теперь многими признается за мечту, русская литература испытала множество чуждых и собственных влияний, отличилась множеством направлений. Так как это имеет прямое отношение к предмету моей статьи, то укажу, в кратких очерках, на главнейшие из этих влияний и направлений. Литература наша началась веком схоластицизма, потому что направление ее великого основателя было не столько художественное, сколько ученое, которое отразилось и на его поэзии, вследствие его ложных: понятий об искусстве. Сильный авторитет его бездарных последователей, из коих главнейшими были Сумароков и Херасков, поддержал и продолжил это направление. Не имея ни искры гения Ломоносова, эти люди пользовались не меньшим и еще чуть ли не большим, чем он, авторитетом и сообщили юной литературе характер тяжело-педантический. Сам Державин заплатил, к несчастью, слишком большую дань этому направлению, чрез что много повредил и своей самобытности и своему успеху в потомстве. Вследствие этого направления литература разделилась на "оду" и "эпическую, инако героическую пииму". Последняя, в особенности, почиталась торжественнейшим проявлением поэтического гения, венцом творческой деятельности, альфой и омегой всякой литературы, конечною целью художественной деятельности каждого народа и всего человечества {Это смешное и жалкое направление до того было сильно и так долго продолжалось, что многие литераторы в 1813 году советовали г. Иванчину-Писареву, написавшему довольно фразистую "Надпись на поле Бородинском", написать - что бы вы думали? - Эпическую поэму!..}. "Петриада" произвела достойных себя чад - "Россияду" и "Владимира"; а эти, в свою очередь, нескольких длинных Петров и наконец пресловутую "Александриду"... Потом только и слышно было, как наши лирики, упиваясь одопением, по выражению одного из них, в своих громогласных одах, взапуски заставляли плясать реки и скакать холмы... Это было главное, характеристическое направление; еще тогда же и после были и другие, хотя и не столь сильные: Крылов родил тьму баснописцев, Озеров - трагиков, Жуковский - балладистов, Батюшков - элегистов. Словом, каждый замечательный талант заставлял плясать под свою дудку толпы бездарных писателей. Еще век тяжелого схоластицизма не кончился, еще он был, как говорится, во всем своем разгаре, как Карамзин основал новую школу, дал литературе новое направление, которое вначале ограничило схоластицизм, а впоследствии совершенно убило его. Вот главная и величайшая заслуга этого направления, которое было нужно и полезно как реакция и вредно как направление ложное, которое, сделавши свое дело, требовало, в свою очередь, сильной реакции. По причине огромного и деспотического влияния Карамзина и многосторонней его литературной деятельности, новое направление долго тяготело и над искусством, и над наукой, и над ходом идей и общественного образования. Характер этого направления состоял в сантиментальности, которая была односторонним отражением характера европейской литературы XVIII века. В то время, когда это сантиментальное направление было во всем цвету своем, Жуковский ввел литературный мистицизм, который состоял в мечтательности, соединенной с ложным фантастическим, но который, в самом-то деле, был не что иное, как несколько возвышенный, улучшенный и подновленный сантиментализм, и хотя породил тьму бездарных подражателей, но был великим шагом вперед {Говоря о Жуковском, я имею в виду направление, произведенное им на литературу, а не оценку его литературных заслуг, разумею его баллады и малое число оригинальных пьес, а не переводы вообще, которыми наша литература по справедливости гордится.}. С половины второго десятилетия XIX века совершенно кончилась эта однообразность в направлении творческой деятельности: литература разбежалась по разным дорогам. Хотя огромное влияние Пушкина (который, скажем мимоходом, составляет, на пустынном небосклоне нашей литературы, вместе с Державиным и Грибоедовым, пока единственное поэтическое созвездие, блестящее для веков) и этому периоду нашей словесности сообщило какой-то общий характер, но, во-первых, сам